

Моск. новости. - 1989. - 9 марта
Во мне (№2). - с. 3

ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ ПОТЕРИ?

Отчетливо, во всех деталях помню его последний концерт в Москве. Профессор Мстислав Ростропович словно хотел доказать, что и со студенческим оркестром можно сделать чудеса. Финал последней симфонии Чайковского вновь обрел страшный смысл прощального плача. Нет, мы, конечно, знали: у Ростроповича просто командировка на два года за границу. Он, может быть, вернется. Но знали и другое: уезжает затравленный, оскорбленный. Даже этот последний выход на сцену Большого зала состоялся только благодаря усилиям консерватории.

По негласной, идущей сверху установке его унижали, блокировали, теснили, срывали концерты, записи. Все это смутно носилось в разговорах, слухах. Иногда злорадно комментировалось: «Вот полез в политику, так ему и надо. Сидел бы тихо».

«Промолчи, попадешь в первачи», — грустно поет Галич.

«Единодушно осудили» — это словосочетание набило оскомину. За единодушием скрывалось равнодушие, на дне которого шевелился страх. И все же под гнетом официального благополучия всегда жила самостоятельная мысль. Оказалось, что задавить ее в человеке окончательно нельзя. Кто-то, чувствуя отвращение к фальшивому стадному единодушию, молчал. Кто-то торопился возглавить «единодушие» и пойти вверх по служебной лестнице. И немногие «отчаянные» решались на поступки, делая выбор между личным успехом и потребностью разбить ложь.

И если зажмут мой измученный рот, Которым кричит стомиллионный народ... Это Ахматова.

«Стомиллионный народ» кричал из всех окон надрывным, осипшим голосом Высоцкого.

Андрей Дмитриевич Сахаров тоже вполне мог ограничиться рамками своего непосредственного дела — оставаться великим ученым. Для этого ему надо было всего лишь отделить свою судьбу от судьбы его Родины. Но именно этого он сделать не мог.

Сегодня Чаадаев и Герцен для нас честь, ум и совесть XIX столетия. В школе нас учили: они противостояли реакции. В XX веке волна противостояния откликнулась соответственно уровню насилия. Писатель, открывший «лагерную тему» в отечественной словесности, известен своей стране лишь по немногим напечатанным в период «оттепели» произведениям. Задолго до создания общества «Мемориал» возник в нашей литературе монумент жертвам сталинских репрессий — «Архипелаг ГУЛаг». Но советский народ его не прочел. До недавних пор об авторе «Архипелага» люди узнавали лишь по ругательным статьям. Писатель все еще не может быть прочитан теми, к кому он обращался. Именно в тот момент, когда Александр Солженицын находился в бедственном положении, музыкант с мировым именем предложил ему кров и дом. Мстислав Ростропович совершил поступок, определивший его судьбу.

Когда толпа по указанию свыше бросает камни, находят и такие, кто жалеет

осужденного. Желание Ростроповича поддержать опального человека и не дать ему погибнуть вызывает уважение само по себе. С детства произносим вошедшие в нашу плоть и кровь стихи:

...что в мой жестокий век
восславил я свободу
И милость к падшим
призывал...

Это что, только слова? Даже если считать иначе...

**Вера
Горностаева**

Профессор
Московской
государственной
консерватории,
народная артистка
РСФСР.

мыслящего писателя Александра Солженицына «падшим человеком» (не будем сейчас спорить с теми, кто так думает), в чем «грех» Ростроповича? В том, что он всерьез воспринял заветы Пушкина?

15 марта 1978 года в Париже из теленовостей Ростропович и Вишневецкая узнали о лишении их советского гражданства.

Стыдно и больно за многое, что происходило в нашей стране за прошедшие годы. И нельзя отделять массовую распродажу шедевров Эрмитажа от вынужденной эмиграции выдающихся писателей, художников, артистов (сколько среди них великих имен!) Эти потери отечественного наследия невосполнимы. Да, конечно, «вернуть советское гражданство Вишневецкой и Ростроповичу значит восстановить справедливость». («Известия»).

Проданные сокровища Эрмитажа оцениваются в цифрах несметных. Но в этом ли только дело? То, чего мы НЕ видели, НЕ слышали, НЕ читали, — какими деньгами это измеришь? Что потеряла наша музыкальная культура, лишившаяся Ростроповича, — вот о чем хочется спросить.

Сегодня в наш язык вместе с великой, запрещаемой прежде литературой, поэзией, живописью, музыкой, философией возвращаются изгнанные на долгие годы слова: милосердие, благотворительность, храм, отчизна, терпимость... В пробуждающемся от спячки сознании возникает наконец и чувство вины перед теми, кого обрекли на изгнание. «В Ваших силах заставить нас переменить местожительство, но Вы бессильны переменить наши сердца, и где бы мы ни находились, мы будем продолжать с гордостью за русский народ и с любовью к нему нести наше искусство», — писал Ростропович. Под этими выстраданными словами могли бы подписаться многие русские изгнанники.